

Н.А.Фадеева

Елена Андр[еевна] Ган и Осип Ив[анович] Сенковский в 1836–1838 гг.

В майской книге «Русской старины», изд[ание] 1889 г., том LXII, стр. 273–312, помещена статья под названием «Осип Иванович Сенковский» *Е.Н.Ахматовой*¹, состоящая преимущественно из писем первого ко второй. В одном из писем Сенковский заводит речь о Елене Андреевне Ган², писавшей в конце 1830-х годов под псевдонимом *Зенаиды Р****, и передает о ней совершенно неверные отзывы, которые унижают ее достоинство и представляют совсем не той, какую она в действительности была. Я как сестра г-жи Ган считаю необходимым восстановить истину, которая всегда дорога для столь серьезного исторического журнала, какова «Русская старина».

В статье о Сенковском во втором письме его к г-же Ахматовой, обратившейся к нему из Астрахани с просьбой напечатать в издаваемой им «Библиотеки для чтения» ее переводную повесть, Сенковский, осыпая ее множеством восторженных комплиментов, для вящего поощрения в литературных упражнениях приводит в пример г-жу Ган (умершую пред тем за несколько месяцев), о которой передает следующие известия, упомянув предварительно о ее блестящем литературном таланте и назвав *своим покойным другом*.

«Она начала далеко не с такою образованностию и не с таким приготовлением, как вы. Когда дрожащая, несмелая, искала она во мне помощи и руководства на поприще умственного труда, ей было только двадцать два года; *она не знала даже правописания своего языка, имела очень слабые сведения во французском языке и никакого другого языка не знала. Воспитание ее было очень небрежно, чтоб не сказать более, – идеи дики, способности ничего не обещали.* Чтоб помочь ей, надлежало, прежде всего, *научить ее писать*: из участия, несмотря на мои занятия, я принужден был пройти с нею *грамматику Греча*³, *толковать каждое правило языка и показывать ей ошибки в собственном труде ее, грубом переводе Годольфина*, романа *lady Charlotte Bury*⁴. Я уговорил ее потом писать что-нибудь оригинальное, *потому что переводить она решительно не могла.* Первую свою повесть⁵ написала она почти в моем доме, под моим руководством. *Я должен был поправлять ее каждое слово.* В короткое время этот самородный талант развернулся так счастливо и сделал такие успехи в образовании, что русская словесность приобрела в ней чрезвычайно примечательную писательницу. Когда я сравниваю вашу образованность, ваш слог, ваш тонкий вкус и милый ум при первом начале с *началом Е.А.Ган*, я не могу не прельщаться самою лестною надеждою на то, чем вы быть можете... Не зная ваших мнений об Е.А.Ган, я спешу прибавить маленькое объяснение слова “мой друг”, употребленного возле ее имени. Она,

Публикуется по: Русская старина, 1890, №4.

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

Фадеева Надежда Андреевна (1829–1919) – сестра Е.А.Ган, дочь Е.П.Фадеевой, тетя Е.П.Блаватской.

Сенковский Осип Иванович (1800–1858) – писатель, востоковед, редактор, основатель и издатель журнала «Библиотека для чтения», писал под псевдонимом «барон Брамбеус».

¹ *Ахматова Е.Н.* О.И.Сенковский (барон Брамбеус) // Русская старина, 1889, №5.

Ахматова Елизавета Николаевна (1820–1904) – писательница, переводчица, издательница журнала «Собрание иностранных романов повестей и рассказов в переводе на русский язык» (1856–1885).

² Ган Елена Андреевна (1814–1842) – писательница, печаталась под псевдонимом «Зенеида Р-ва», мать Е.П.Блаватской.

³ Греч Николай Иванович (1787–1867) – писатель, издатель, редактор, журналист, публицист, филолог, переводчик, автор учебника «Пространная русская грамматика» (1827).

⁴ Бьюри Шарлотта (1775–1861) – английская писательница.

О.И.Сенковский ошибается: автором романа «Годольфин» является английский писатель Э.Бульвер-Литтон (1803–1873).

⁵ Речь идет о повести Е.А.Ган «Идеал», опубликованная в журнале «Библиотека для чтения» (1837, т. XXI).

действительно, долгое время питала ко мне, могу сказать, живейшую признательность и *почти романическую преданность*, что весьма понятно при восторженности ее характера, пользовалась дружбой моего семейства, ее родные были мои друзья, и ее даровитая молодость, ее неопытность привлекли к себе мое полное участие: она тогда была мне другом, потом уже не знаю чем была! Мир праху ее».

Елена Андреевна *Ган*, по рождению, принадлежала к семейству, в котором серьезное воспитание, начитанность, разностороннее солидное образование составляли неотъемлемое достояние его. Мать ее, Елена Павловна *Фадеева*, рожденная княжна Долгорукая⁶, женщина замечательная по высокому уму, глубоким многосторонним познаниям, любви к научным занятиям, при всей скромности своей тихой жизни, посвященной исключительно семейству, сделалась известна европейскому ученому миру по отзывам первоклассных людей науки, которым случалось с ней познакомиться и которые с уважением и удивлением к ее познаниям упоминают о ней в своих сочинениях. Елена Павловна воспитывала свою дочь с нежной заботливостью любящей матери и высокосведущей, просвещенной наставницы. Кроме того, ей преподавали уроки лучшие учителя, какие были в городе. Елена Андреевна воспользовалась заботами о ее воспитании и образовании с таким успехом, какой только был возможен при ее восприимчивом уме, любознательности, живом воображении, прекрасной памяти и далеко незаурядных способностях. У нас до сих пор сохранились ее ученические тетради, неоспоримо доказывающие, что в двенадцать, тринадцать лет она вполне *знала правописание своего языка*, была знакома с грамматикой Греча не менее самого Сенковского и писала сочинения, хотя и детские, но в которых уже выражались ее необыкновенные способности. Переводы ее, – даже в то время, – с французского и немецкого языков, которые она знала превосходно, по правильности, чистоте изложения и верности передачи мысли не только не уступали нисколько переводным романам последующих периодических изданий Е.Н.Ахматовой, но несравненно превосходили многие из них. С французским и немецким языками Елена Андреевна была знакома как с своим отечественным, а потом уже сама выучилась английскому и в совершенстве итальянскому языку.

«Я должен был ей поправлять каждое слово», – сообщает Сенковский. Да это у него была уж такая несчастная страсть. Он не поправлял, а совсем переменял слова, вставлял целые страницы своего собственного сочинения, изменял весь смысл, искажал содержание, конец повестей. И не у одной Е.А.Ган, а у всех и во всем, что он печатал в «Библиотеке для чтения». Все жаловались на это странное самоуправство, по этому поводу был общий крик против него. Он не мог удержаться от своей мании даже в переводных статьях, и переделывал по-своему романы Бальзака, Дюма, Сю⁷ так, что их узнать было нельзя. По этой-то причине Е.А.Ган, возмущавшаяся таким безобразием, тщетно просившая Сенковского не искажать ее сочинений своими *поправлениями*, вынуждена была бросить «Библиотеку для чтения» и перенести свои повести в другой журнал⁸, – что и разозлило Сенковского до крайности и чего он не мог ей простить⁹.

Удивительно, как человек такой умный, как Сенковский, допускал себя увлекаться до такого мелочного, чисто хлестаковского самохвальства, заявленного им в вышеприведенных его строках. Описав Е.А.Ган необразованной, неспособной, дикой, безграмотной, он объявляет себя ее образователем и создателем ее *удивительного* таланта, то есть просто каким-то чудотворцем, – да и все это произошло так же скоро, как совершается чудо. Все личное знакомство Е.А.Ган с Сенковским продолжалось не более полугода. Она приехала в Петербург с мужем в 1836 году, обратилась с первой рукописью к Сенковскому во второй половине года, уехала из Петербурга в самом начале 1837 года и никогда уже туда не возвращалась, несмотря на отчаянные призывы

⁶ Фадеева Елена Павловна (1788–1860) – ученый-естествоиспытатель, бабушка Е.П.Блаватской.

⁷ Бальзак Оноре де (1799–1850) – французский писатель.

Дюма Александр (1802–1870) – французский писатель, драматург и журналист.

Сю Эжен (1804–1857) – французский писатель.

⁸ В журнал «Отечественные записки».

⁹ На это имеется доказательство: письмо *А.А.Краевского*. – *Примечание Н.А.Фадеевой*.

Краевский Андрей Александрович (1810–1889) – журналист, педагог, редактор-издатель журнала «Отечественные записки» и газеты «Голос».

Сенковского, заклинавшего ее возвратиться в столицу или хотя иногда приезжать. В продолжение трех лет, т.е. до перехода Е[лены] А[ндреевны] в другой журнал, неутомимый барон Брамбеус бомбардировал ее своими письмами с таким невероятным усердием, что их набрался положительно целый тюк, занимающий и поныне значительное пространство в одном из шкафов нашей библиотеки. Непостижимо как при его обширных занятиях, да еще вражде к перепискам, – как он сам уверяет, – он успевал справляться с такими необъятными корреспонденциями и без всякой к тому необходимости. И писал письма ведь не то что в обыкновенный почтовый лист, а в 20, 30 страниц. Четвертое письмо к Е.Н.Ахматовой, – с которой он был вовсе тогда незнаком, – уже состоит из 20-ти страниц. Такие же пространные письма он писал и Е.А.Ган. При подобной письменной плодовитости, понятно, невозможно даже и такому гению, каким обладал барон Брамбеус, рассуждать дельно и серьезно, невольно втянешься в болтовню, а тут, при случае, натурально приходится и завратиться, – что очевидно и приключилось с ним по поводу скорбного воспоминания о его неблагодарном покойном друге Е.А.Ган!

Впрочем, многоученный барон Брамбеус сообщает все это, как и все остальное в своих письмах к незнакомой ему Е.Н.Ахматовой, под условием строжайшего секрета: «*Благодарю вас очень, – пишет он, – за обещание никому из посторонних не сообщать моих писем; это обещание я считаю залогом вашей дружбы, святым залогом, и только под его защитой могу откровенно изливать мои мысли, чувства, мнения и огорчения*». Поэтому следует думать, что если бы покойный барон мог предполагать, что со временем этот святой залог дружбы будет нарушен и письма его опубликуются, – то, вероятно, он бы ограничил более умеренными пределами откровенные излияния своих чувствований и огорчений. Однако, несмотря на гигантское воображение барона, оно зачастую как бы истощается, и в переписке со своими различными корреспондентами он беспрестанно впадает в повторения, особенно по отделу любезностей и комплиментации¹⁰. Так, при сравнении иных писем к Е.А.Ган с таковыми к Е.Н.Ахматовой, встречаются не только одни и те же фразы, изречения, восхищения, но целые длинные периоды, слово в слово одинаковые. Очевидно, барон писал *их* по одному общему шаблону, или же они уж так врезались в его памяти, что сделались привычкой; он не брал на себя труда придумывать чего-нибудь нового и преподносил всем один и тот же десерт. Жаль, что нельзя поместить здесь эти милые фразы для наглядного сравнения в удостоверении их тождественности. А корреспонденток у него, кажется, было немало; в одном из писем к матери г-жи Ган, *Е.П.Фадеевой*, Сенковский пишет между прочим: «*Vos sois éclairés ont formé et développé ce beau talent et cet excellent coeur qui nous rend si précieuse son amitié*»¹¹, и молит мать уговорить свою дочь возвратиться в Петербург, где она должна, по его словам, найти славу, бессмертное имя, богатство, чего в провинции не добиться; предлагает всю помощь своей опытности в литературной профессии и прибавляет: «*Et pourquoi ne le ferai-je pas pour elle, quand je le fais en pure perte pour d'autres, à qui mes peines ne profitent même pas*»¹². Значит, в отношении других и чудотворство не помогало, только даром тратились комплименты и *лестные* надежды прахом разлетались.

Впрочем, в письмах к Е.А.Ган есть еще исключительный, преобладающий оттенок. Они наполнены изъяснениями пламенной любви, которой Осип Иванович к ней воспылал с первого знакомства. Он ее преследовал этими изъяснениями, надоедал и, наконец, опротивел. Перед отъездом ее из Петербурга в присутствии сестры ее, Екатерины Андреевны *Vitte* (тогда еще *Фадеевой*)¹³, которая, слава Богу, жива, здорова и отлично все это помнит, – почтенный барон с плачем, заливаясь обильными слезами, заклинал Елену Андреевну не уезжать. Елена Андреевна

¹⁰ Так, дочь Ел[ены] Анд[реевны], *В.П.Желиховская*, на два деловых письма Сенковскому имеет от него три огромных послания, не менее переполненные невозможно восторженными комплиментами, весьма сходными по стилю с теми фразами, которые г-жа Ахматова приняла за чистую монету. – *Примечание Н.А.Фадеевой*.

Желиховская Вера Петровна (1835–1896) – писательница, драматург, сестра Е.П.Блаватской.

¹¹ «Ваши светлые заботы сформировали и развили этот прекрасный талант и великолепное сердце, которое возвращает нам его дружбу, настолько ценную для нас» (*фр.*).

¹² «И почему бы мне не сделать это для нее, когда я делаю это с чистым убытком для других, кому мои труды не приносят никакой пользы» (*фр.*).

¹³ Витте Екатерина Андреевна (1819–1898) – сестра Е.А.Ган и Н.А.Фадеевой.

была молоденькая, красивая, вполне светская женщина, привыкшая к успехам в обществе, но вместе с тем была прекрасной матерью семейства, страстно любила своих детей, сознавала свой нравственный долг, и эти навязчивые изъяснения пожилого, безобразного, изрытого оспой, женатого человека, хотя и барона Брамбеуса, вселяли ей отвращение к нему, которое она и не скрывала ни в словах, ни в письмах своих. *Романическая преданность*, о которой он рассказывал Е.Н.Ахматовой в утешение своего *fiasco*¹⁴, происходила совершенно наоборот, – не от нее к нему, а от него к ней, и была ею так решительно и энергично осмеяна, что барон, несмотря на все иллюзии своего самолюбия, наконец, в этом должен быть убедиться. Поэтому-то только он и начал находить с тех пор, что «*воспитание ее было очень небрежно, идеи дики, способности ничего не обещали*». К тому же Е[лена] А[ндреевна] стала печатать свои повести в другом журнале, и Сенковский, окончательно удостоверившись в *дикости ее идей*, сделался ее врагом и ненавистником.

Что же касается до ее *грубого* перевода *Годольфина*, по которому Сенковский решил в письме к Е.Н.Ахматовой, что *переводить Ган решительно не могла*, – мы находим очень уместным представить здесь первое письмо из обширной коллекции писем Сенковского к Е.А.Ган по поводу этого же самого *безграмотного* перевода, когда она принесла его к нему в первый раз, *дрожащая, несмелая*, не объявив своего имени, сказав, что придет за ответом после.¹⁵

(Перевод). «Мил[остивая] гос[ударыня]. Не умею выразить, каким приятным сюрпризом была для меня записка, которую вы почтили меня. Сколько прелести, ума, чистосердечия и стиля не могли, как вы сами, конечно, понимаете, не удивить меня в особе, облакающей в такую редкую скромность, и то доверие, которое эта особа соблаговолила мне выказать, не может не заставить меня употребить все средства для того, чтобы быть полезным *ее изящному, живому, пленительному* таланту. Поверьте, что я вполне ценю ваше доверие и сумею отнестись к нему с самым тонким вниманием. Крайне сожалею, что меня не было дома в ту минуту, когда вы остановились у моего скромного порога. Этим я упустил неоцененный случай познакомиться с вами и объяснить на счет вашей *очаровательной* рукописи, которую вы удостоили поручить моим заботам, – что невозможно сделать посредством переписки. Будьте так добры, дополните доказательство вашего доверия и позвольте мне увидеться с вами, чтобы спокойно поговорить об этом деле и моих видах на ваш талант. Назначьте мне день и час, когда я могу явиться к вам, или прикажите мне ожидать вас в такой-то день и такой-то час у нас в доме, где моя жена будет в восторге вас принять и познакомиться с вами. Ваше поручение требует весьма тщательного обсуждения; я буду очень рад поговорить о вашем деле как можно подробнее, дабы избежать каких-либо недоразумений. К тому же мои многочисленные занятия не позволяют мне увеличивать мои переписки. Если в награду за мою приверженную готовность к исполнению ваших приказаний, удовольствие познакомиться с вами и надежду заслужить вашу дружбу не будут вами сочтены за слишком великие милости, то я положительно осмеливаюсь рассчитывать на них, с просьбою принять уверение в моем почтительном уважении. *Сенковский*. P.S. В случае надобности, прошу вас рассчитывать на полнейшую скромность с моей стороны. Умоляю вас не скрывать долее от меня вашего имени в ожидаемом мною от вас ответе».

Сопоставление двух столь различных мнений ученого мужа об одном и том же предмете весьма знаменательно и не требует комментариев.

Когда в конце 1830-х годов в «Библиотеке для чтения», считавшейся тогда лучшим журналом, появились повести под псевдонимом Зенаиды Р^{***}, – они обратили на себя общее внимание. Новый, свежий, несомненный талант, проявлявшийся в них, привлек к себе живое сочувствие, сердечные симпатии читающей публики, возраставшие все более и более с каждым годом. Литературная деятельность Елены Андреевны *Ган* продолжалась недолго, всего пять лет, – изнурительная болезнь свела ее в могилу на двадцать седьмом году от рождения.

На памятнике ее в Одессе начертана надпись: «Сила души убила жизнь».

¹⁴ фиаско (*фр.*).

¹⁵ Далее идет текст письма О.И.Сенковского на французском языке, который не публикуется.

Заслуга ее состояла не в продолжительности писательских трудов, а в силе творческого дарования. О ней все жалели, кроме немногих завистливых душ, не прощавших ее превосходства над ними. С тех пор прошло почти полвека. Нынешнее читающее общество уже не знает ее, но проблеск ее дарования, несмотря на всю краткость его, мелькнул не бесследно, и имя Елены Андреевны Ган осталось навсегда в истории русской словесности одним из первых и лучших имен в числе русских писательниц. Авторитеты отечественной литературы, как, например, *Белинский*, *Тургенев*¹⁶, ценили ее очень высоко, и их задушевные отзывы о ней поставили ее на пьедестал, с которого она уже не сойдет и с которого ее никак не могут свести никакие клеветы давно умершего Сенковского, пресловутого барона Брамбеуса.

¹⁶ В.Г.Белинский писал о творчестве Е.А.Ган в статье «Русская литература в 1841 г.» и посвятил ей статью «Сочинения Зенеиды Р-вой. Санкт-Петербург. 1843. Четыре части» (1843); И.С.Тургенев написал о Е.А.Ган несколько строк в статье «"Племянница". Роман, соч. Евгении Тур» (1852).

Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) – литературный критик.

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – писатель, поэт, публицист, драматург, переводчик.